

УДК 94(47):008

ББК 63.3(2)6-7

Агитсуды как форма агитационно-пропагандистской работы в 1920-е гг.*

И.В. Сидорчук

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия)

Agitation Courts as a Form of Agitation and Propaganda Work in the 1920s.

I.V. Sidorchuk

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russia)

Исследование посвящено такому виду агитационно-пропагандистской работы, активно использовавшемуся в 1920-е гг., как постановочные агитсуды. По замыслу их популяризаторов они должны были стать неотъемлемой частью культурной работы и оценивались как достаточно эффективный способ ее оживления и вовлечения в нее широких масс, форма рациональной организации свободного досугового времени. В статье рассмотрен спектр тем, затрагивавшихся агитсудами, их место в культурно-просветительской и агитационно-пропагандистской работе в контексте трансформации повседневной и досуговой культуры. Автор приходит к выводу, что агитсуды при правильном устройстве помогали сочетать индоктринацию с развлечением, тем самым способствуя вовлечению в эту деятельность широких масс. При минимальных затратах на организацию они были эффективней лекций и пьес за счет активного вовлечения в «судебный процесс» зрителей. Тематика процессов зависела от наиболее актуальных для времени и места задач, часто была связана с проводимыми агиткампаниями. Если изначально агитсуды были призваны не только обвинять, но и перевоспитывать, просвещать и интегрировать новые ценности в быт, то к концу периода наблюдается тенденция к утяжелению обвинений и повышению суровости приговоров.

Ключевые слова: агитсуды, постановочные суды, история повседневности, история досуга, агитационно-пропагандистская работа, клубная работа.

The article is devoted to such a type of agitation and propaganda work, which was actively used in the 1920s, as staged agitation courts (agitsudy). According to the idea of their popularizers, they should have been an integral part of club work, being evaluated as a sufficiently effective way to revive cultural work and involve the broad masses in it, and become one of the many forms of rational organization of free leisure time. The article considers the range of topics covered by the agitsudy and their place in cultural and propaganda work in the context of the transformation of everyday and leisure culture. The author comes to the conclusion that agitation courts, when properly organized, helped to combine indoctrination with entertainment, thereby contributing to the involvement of the broad masses in agitation and propaganda work. With minimal organization costs, they were more effective than lectures and plays due to the active involvement of the audience in the process. The topic of the processes depended on the most relevant tasks for the time and place and was often associated with the ongoing political campaigns. If initially agitsudy were organized not only to accuse, but also to re-educate, educate and integrate new values into everyday life, then by the end of the period there is a tendency to weigh down the charges and increase the severity of sentences.

Key words: agitation courts, fake courts, history of everyday life, history of leisure, agitation and propaganda work, club work.

DOI: 10.14258/izvasu(2021)5-05

* Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых — кандидатов наук, проект МК-1636.2020.6. This article was prepared with the support of the grant of the President of the Russian Federation for young scientists-candidates of sciences, project МК-1636.2020.6.

Одним из следствий стремления к трансформации повседневных практик и переустройства быта, начатой большевиками после прихода к власти, была организация масштабной агитационно-пропагандистской, политико-просветительной и воспитательной работы. Новые идеологические ориентиры и ценностные установки должны были наполнить жизненное пространство человека, окружать его как на работе, так и в часы отдыха. С этой целью власть предлагала широкий спектр досуговых возможностей, должных стать максимально доступными и востребованными. Праздники, экскурсии, спортивные и физкультурные кружки, библиотеки, лекции, доклады, беседы, кинолекции, вечера вопросов и ответов, спектакли, концерты, инсценировки, живые газеты, кружки самодеятельности — вот далеко не полный их список.

Реальный результат подобная работа могла дать лишь в условиях ее востребованности населением. Такие формы занятий, как школы политграмоты или лекции и доклады, зачастую были скучными и не пользовались популярностью, что прекрасно понимали организаторы. В связи с этим неизменно актуальным становился поиск новых, более эффективных форм агитационно-пропагандистской работы, одной из которых стали постановочные или агитационные суды (агитсуды), совмещавшие в себе информативность публичного доклада и драматизм агитпьесы. В 1920-е гг. они стали неотъемлемой частью культурной работы, оценивались как достаточно эффективный способ ее оживления и вовлечения в нее широких масс населения.

Особенности устройства и деятельности агитсудов уже становились объектом внимания исследователей. Так, А.С. Иванов рассмотрел практику их устройства в Дальневосточной республике, дав описание подобных процессов и показав, что в общественно-культурные учреждения они пришли из Красной армии [1, с. 207–210]. Современные специалисты обращаются к теме использования агитсудов при изучении различных аспектов идеологической политики власти: кооперации [2, с. 83–86], антирелигиозной пропаганды [3, с. 1156–1159], формирования исторической памяти [4, с. 11–13], создания новых форм сценического искусства [5, с. 299–312]. Целью настоящего исследования является рассмотрение спектра тем, которым были посвящены агитсуды, определение их места в культурно-просветительской и агитационно-пропагандистской работе в 1920-е гг. в контексте трансформации повседневной и досуговой культуры.

В работе активно использовались положения и методы исторической антропологии, истории повседневности и досуга. Источниковую базу исследования составили опубликованные сценарии и рекомендации по устройству инсценированных

процессов, а также архивные материалы: стенографические отчеты агитсудов и сведения об устройстве клубной работы.

Агитсуд представлял собой инсценировку реального судебного процесса с соблюдением всех основных его составляющих: наличия обвиняемых и потерпевших, вызовом свидетелей, экспертов, прениями сторон, обвинительным заключением, конвоєм и пр. По замечанию инициаторов их организации, «надо, чтобы неискушенный, быстро отдающийся драматическим впечатлениям слушатель и зритель чувствовали себя в подлинном суде, чтобы эта иллюзия не обрывалась и не нарушалась неуместными эпизодами или деталями» [6, с. II]. У зрителя должно было сложиться впечатление подлинности разбираемых фактов, действий и самих действующих лиц — «как бы в действительности существующих, на самом деле совершивших свои проступки и всерьез притянутых судом к ответу» [7, с. 4].

Устройство сцены также должно было способствовать созданию атмосферы суда — обязательный стол с красным сукном, костюмы, графин с водой. Применительно к деревенской необразованной публике допускалась упрощенная форма, позволявшая лучше усваивать материал [8, с. 3–5]. При этом поощрялось ограниченное внесение комических положений и легкой интриги, но при этом суд не должен был превращаться в «балаган» [9, с. 16; 7, с. 6]. С этим связаны рекомендации ограничить устройство судов над неодушевленными или абстрактными предметами, например, вшами, бактериями, выпивкой, сохой (как символа отсталости) и пр., так как это могло сделать постановку карикатурной, похожей на шарж и лишить серьезности и жизненной правдивости [6, с. III]. Большой убедительности должна была способствовать работа с местным материалом. Также рекомендовались максимальная импровизация и участие публики в обсуждении приговора, вопросы, выступления с мест.

Заметным преимуществом агитсудов было отсутствие больших трат на их устройство. Минимальный реквизит мог состоять из стола и стульев, суд мог устраиваться в любом рабочем или полковом клубе, избе-читальне и даже на открытом воздухе. Также не составляло труда найти тему и предмет для разбирательства. Главная сложность зачастую состояла в поиске исполнителей ролей. Например, председатель суда должен был быть опытным, выдержанным, и хорошо, если его роль исполнялась «человеком популярным и пользующимся авторитетом в районе» [9, с. 9]. На роль эксперта было важно позвать настоящего специалиста — медика, агронома, чтобы он вызывал доверие и смог ответить на все интересующие зрителей вопросы [9, с. 11]. В зависимости от того, предполагалось ли вынести оправдательный или обвини-

тельный приговор, роль защитника или обвинителя поручалась более сильному исполнителю, от которого требовалось яркое и проникновенное выступление. Добавление гротескности персонажам также требовало некоторого актерского таланта, например, образы мракобесной акушерки, надменного интеллигента или корыстолюбивого дьячка. Иногда трудность возникала с тем, что «под влиянием глубоко укоренившихся предрассудков» некоторые участники отказывались играть отрицательные роли — проститутки или сифилитика [10, с. 6].

Цели организации суда были различны и обычно имели отношение к многочисленным для рассматриваемого периода кампаниям: отразить классовую борьбу в деревне, поддержать проводимую коллективизацию, усилить агитационно-пропагандистскую работу в рамках праздников и массовых мероприятий, например, «Дня леса», туберкулезного трехдневника, записи в Общество друзей воздушного флота и пр. Спектр обвинений был необычайно разнообразен. Например, в начале 1920-х гг. широкое распространение получили санитарно-просветительные суды, устраивавшиеся для повышения осведомленности населения в области законодательства, медицины и гигиены. Существенную роль в этом сыграли сами медики, заинтересованные в распространении медицинских знаний. Л.М. Василевский, один из популяризаторов агитсудов, утверждал, что «далеко не каждое деяние, преступное с точки зрения санитарии и гигиены, годится как мотив для подобного примерного суда. Необходим резко выраженный конфликт страстей и закона, инстинкта и социальной справедливости, привычек и требований гигиены, вообще наличие резких контрастов, дающих основу драматизму и его эффектам» [6, с. VIII]. В рамках таких судов обвинялись проститутки, заразившие рабочего или красноармейца сифилисом, и их сводницы; мужья, заражавшие жен сифилисом и гонореей; акушерки, незаконно делающие аборт, что приводило к смерти женщин; изготовители и торговцы самогоном, от которого умирали или становились инвалидами и пр.

В сельской местности, где население было менее образованным, широкое распространение получали суды над знахарями и нечестными кооператорами. Разумеется, нередки были суды над пьяницами и хулиганами. В период Первой пятилетки внимание было обращено на кулаков, враждебных коллективизации. Также в связи с «Шахтинским делом» предлагалось устраивать суды над инженерами «из бывших», обвиняемыми в сознательном вредительстве, приводившем к авариям [11].

Обвиняемые могли быть как не заслуживающими снисхождения злодеями, так и жертвами обстоятельств и среды, которым давался шанс на исправление. Первые изображались стереотип-

но и язвительно, им давались «говорящие» фамилии. Например, инженер-вредитель Белопольский с форменной фуражкой, чем подчеркивал свое привилегированное положение над рабочими, должен говорить уклончиво сложным языком [11, с. 5]. Торговцы-растратчики Наживин и Объялов грубы с покупателями, пьяницы, содержащие лавку на базаре и магазин в грязи и беспорядке [12]. Враг авиации Иконостасов — «тучный попик», утверждавший что «воздушный флот — выдумка дьявола», а его защитник — бывший дворянин [13]. Нэпман, хозяин кондитерской Кранц, «солидно одетый, богатый господин», совращал молодых работниц и не платил им денег [14, с. 22]. Суд должен был всячески пробуждать чувство классовой солидарности. Показательны слова обвинителя по делу о самогоноварении: «Если бы он открыл свой притон в шикарном помещении с зеркальными окнами где-нибудь в центре, среди богатых кварталов, мы бы не возражали, или возражали бы очень мягко. Пусть разоряет героев минуты, разжиревших нэпманов — туда им и дорога! Но он поселился в самом центре рабочего района, он распустил свою паутину среди наших братьев по духу, он соблазняет еще не окрепших и не одолевших в себе мещанства рабочих, строителей нового мира — и этого преступления мы ему простить не можем, не смеем» [6, с. 37]. Соответственно, пролетарское происхождение, болезненная наследственность, тяжелые материальные условия были поводом для смягчения приговора. Например, это учел состоявшийся 28 января 1925 г. агитсуд над комсомольцем А. Ивановым при Нежновском коллективе РЛКСМ Котельской волости Ленинградской губернии. Молодой человек обвинялся в нарушении дисциплины и нетактичном поведении, в частности, в том, что он выпивал, «выражался» и даже «до крови разбил нос пионеру». В результате постановили исключить его из комсомола, но принимая во внимание, что он из семьи батрака и подвергался дурному влиянию пьющих родителей, наказание было условным [15].

Также смягчающими факторами были преступное отношение окружающих и влияние среды. На этом настаивали защитники, обычно не отрицавшие вины обвиняемых, но акцентировавшие внимание на роли общества в появлении таких преступников: «Обвиняемые не виноваты и не могут быть подвергнуты наказанию, потому что в их преступлении является соучастником все общество» [16, с. 36]. Так, люди сами ходят к знахарям, пренебрегая официальной медициной, а дети воруют из-за голода. Проститутка — жертва пережитков капиталистического прошлого, которую толкает на панель предательство любимого мужчины, социальная стигматизация и отсутствие возможности прокормить себя и ребенка [17, с. 21, 36-37]. В таких случаях суд

ограничивался условным наказанием и требованием начать с обвиняемыми воспитательную и просветительную работу, например, отдать в школу фабрично-заводского ученичества, на рабфак или на лечение в диспансер.

Помимо основных обвинений, обычно были и сопутствующие: в мракобесии, пьянстве, домашнем насилии, нежелании читать газеты или посещать клуб. Они служили для формирования цельного образа порочной жизни и отсталого мелкобуржуазного быта. Жена торговца-растратчика — «бездушная мещанка, которая ради пары шелковых чулок и губной помады готова толкнуть мужа на преступление» [12, с. 27]. Кулак — противник тракторов, которые якобы «газами травят землю» [18, с. 6]. Пьянство скончавшегося от суррогатов отца привело к тому, что его 16-летний сын отбил от рук и нюхал кокаин, а дочка родилась с наследственным слабоумием [6, с. 14–15]. Дьячок воровал у бабки кур и пытался очернить сельского священника, чтобы занять его место [13, с. 45–46].

Задача агитсудов — не только обвинять, но и прощщать. Врачи-эксперты подробно рассказывали о профилактике и лечении заболеваний, например, о том, что для предотвращения туберкулеза очень важно проветривать помещения и не плевать на пол, а только в плевательницы, которые должны быть «в каждой квартире, во всех общественных учреждениях», в садах, трамваях, клубах и пр. [19, с. 28–29, 35]. Во всех подробностях рассказывалось о венерических заболеваниях, абортах, преимуществах официальной медицины над знахарством, объяснялось, как нужно заботиться о здоровье детей.

В приговоре агитсуда над «выпивкой» перечислялся ее вред: «подтачивает здоровье молодежи», «порождает хулиганство», «мешает организации нового семейного быта», «отвлекает молодежь от учебы», «подрывает производство», это «нецелесообразная трата денег» и «нежелание применить свои силы в красном уголке, в клубе, в спорте» [20, с. 43].

Противникам авиации объяснялось, что с ее помощью можно перевозить грузы в отдаленные деревни и бороться с саранчой [13, с. 42]. Случайно поджегшим лес крестьянам лесничий рассказывал о том, какой урон наносит экономике и природе неосторожное обращение с огнем [8, с. 8–9]. Суд над рабочими-коммунарами Парижа, обвиняемыми в недостаточно энергичном и классово-выдержанном использовании завоеванной в 1871 г. власти, должен был объяснить причину их поражения с целью учета опыта при защите революционных побед в СССР. При этом приговор был оправдательным: «В сознании всего величия дела Парижской коммуны, не обвинение выносит суд, а свое преклонение перед великим пролетарским подвигом, трагический исход которого был исторически неотвратим» [21, с. 65].

В рамках агитсудов неизменно должен был делаться акцент на достижениях советской власти. На процессах, где фигурировали девушки-жертвы домогательств со стороны начальника, подробно рассказывалось об их правах и о том, что защиту можно получить, вступив в профсоюз. Если обсуждалось дело о венерических заболеваниях или подпольном аборте, то врач-эксперт рассказывал о победах советской медицины и преимуществах открытого обсуждения подобных тем, недоступного ханжескому буржуазному обществу. К концу рассматриваемого периода подобные реверансы в сторону власти становились все более контрастировавшими с действительностью. Так, обвиняемый в сопротивлении коллективизации и в итоге приговоренный к расстрелу пастух заявлял, что признательные показания из него выбили агенты уголовного розыска и милиционеры, однако впоследствии назвал это выдумкой, чем восстановил честный образ служителей закона [22]. Подобные образы не соответствовали реальной практике запугивания, угроз, репрессий и произвола на местах [23–25], о чем прекрасно знали деревенские зрители подобных постановок.

Характерной особенностью агитсудов являлось стимулирование участников на какие-то последующие действия. Например, в марте 1927 г. Колпинской городской организацией ВЛКСМ в рамках агитации за подписку на газету был организован суд над «Сменой», которая обвинялась «в недостаточном удовлетворении запроса читателей». В результате издание было оправдано и признано являющимся «действительным органом пролетарской молодежи». Недостаточное число подписчиков и читателей объясняли слабым участием самих масс в работе с газетой, а итогом суда был призыв подписываться на газету и самим стараться делать ее более интересной и полезной [26].

По результатам агитсуда над заведующим столовой за плохое обслуживание потребителя ему объявили выговор и обязали направить в школу политграмоты, что служило сигналом обратить внимание на политучебу всем остальным [27]. Суд над нежелавшими вступить в Общество друзей воздушного флота постановил, что это обязанность каждого трудящегося, ведь отсутствие воздушного флота — «это культурная отсталость, угрозы войны, а в случае войны — все ее ужасы» [13, с. 36]. Санитарно-просветительные суды, на которых обязательно выступал врач-эксперт, призывали делать прививки, соблюдать правила гигиены, «не вступать в брак без всестороннего освидетельствования у врача и без требования выполнения того же от лица, с которым будут вступать в брак» [28, с. 31].

При правильном устройстве агитсуды действительно могли рассчитывать на успех. Достаточно вспомнить популярность таких сатирических по-

вестей XVII в., как «Повесть о Ерше Ершовиче» и «Повесть о Шемякином суде», где изображение судопроизводства было максимально похоже на суд в реальности [29, с. 34–37]. Можно также встретить упоминания агитсудов как прообраза современных судебных телешоу и ток-шоу, пользующихся большой популярностью [30, с. 64]. Агитсуды достаточно быстро утвердились в качестве желательной формы массовой клубной работы. Так, Московско-Нарвский районный комитет ВКП(б) ввел пункт об их проведении и численности участников в анкету о работе заводских клубов. Например, за апрель, май и июнь 1927 г. предприятие «Советская звезда» и Фабрика шерстяных изделий им. товарища Белы-Куна провели три агитсуда с числом присутствовавших 220 человек, из которых два суда на общественно-политические темы, а один — на санитарно-просветительские [31, л. 13об.].

Ленинградский областной совет профсоюзов при разработке указаний по построению плана клубной работы также рекомендовал «устроить вечера вопросов и ответов, агит-полит-профсуды своими и профессиональными силами» [32, л. 195]. По результатам обследования в 1925 г. Московским Пролеткультом 102 клубов индустриальных союзов столицы (металлистов, текстильщиков, кожевников и пр.) был сделан вывод, что агитсуды составляют 19% общего количества художественных постановок нового типа (живые газеты — 74%, инсценированные отчеты и доклады — по 3%) — всего около 60 постановок. Больше использование живых газет

при этом объяснялось тем, что «не всякую тему можно должным образом развернуть в виде суда, между тем как живая газета является формой чрезмерно емкой» [33, с. 20].

Таким образом, постановочные агитсуды представляли собой весьма оригинальный вид культурной работы, активно использовавшийся в 1920-е гг. Они помогали сочетать индоктринацию с развлечением, тем самым способствуя вовлечению широких масс в агитационно-пропагандистскую работу. При минимальных затратах на организацию агитсуд оказывался эффективней лекций и пьес за счет активного вовлечения в «судебный процесс» зрителей, становившихся соучастниками происходящего на сцене. Тематика процессов зависела от наиболее актуальных для времени и места задач, будь то самогонварение, распространение венерических заболеваний или борьба со знахарством, часто связывалась с проводимыми агиткампаниями. Показательно, что изначально агитсуды были призваны не только обвинять, но и перевоспитывать, просвещать и интегрировать новые ценности в быт, однако к концу рассматриваемого периода, времени начала раскулачивания, индустриализации и связанным с этим усилением репрессий, обвинения становились все более тяжкими, а приговоры суровыми. Наступавшая эпоха уже не нуждалась в агитсудах, оставив их в 1920-х гг. — времени относительной свободы, борьбы с «буржуазными пережитками», активного поиска новых форм массовой работы и творческих экспериментов.

Библиографический список

1. Иванов А.С. «Агитсуды» в Дальневосточной республике // Вопросы истории. 1978. № 8.
2. Дианова Е.В. Кооперативные агитсуды как одна из форм культурно-массовой работы кооперации в 1920-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. I.
3. Слезин А.А. Антирелигиозные политсуды 1920-х годов как фактор эволюции общественного правосознания // Право и политика. 2009. № 5.
4. Раева Т.В. Меморизация Первой мировой войны в СССР: «Агит-суд» как способ формирования памяти // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. Т. 14, № 3.
5. Прохорова Т.Г., Шамина В.Б. Театр и политика в советской и постсоветской России: формы интерактивного диалога // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, кн. 5.
6. Василевские Л.А. и Л.М. Суд над самогонщиками. Инсценировка. Тверь, 1923.
7. Авдеев В. Шептуны и знахари. Инсценированный агит-суд над знахарством в 3-х карт. для деревенского театра. Л., 1926.
8. Росляков П. Суд над поджигателем леса (Агит-инсценировка ко «Дню леса»). Архангельск, 1924.
9. Виленкин А. Как поставить агит-суд в избе читальне. Л., 1926.
10. Демидович Е.Б. Суд над гражданином Киселевым по обвинению его в заражении жены его гонореей, последствием чего было его самоубийство. М.; Пг., 1923.
11. Голубь П. Приводные ремни. Агитсуд (К отчетной кампании Ленинградского Совета). Л., 1930.
12. Гутьер И.Г. Кооперативный агитсуд над растратчиком кооперативного имущества. М., 1927.
13. Николаев А. Авио-агитсуд. М., 1925.
14. Василевские Л.А. и Л.М. Суд над акушеркой Лопухиной, совершившей операцию аборта, следствием чего

явилась смерть женщины. Инсценированный показательный суд. Тверь, 1923.

15. Протокол агитсуда при Нежновском коллективе РЛКСМ, 28 января 1925 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-1586. Оп. 1. Д. 286. Л. 43-44.

16. Агитсуд над преступниками. Воронеж, 1923.

17. Аккерман А.И. Суд над проституткой и сводницей. М., 1924.

18. Ершов А. Агитсуд над врагами коллективизации. Новосибирск, 1930.

19. Лапин Д.В., Степанов С.А. Суд над бациллой Коха. М., 1924.

20. Моравский. Вечер рабочей молодежи // Рабочий клуб. 1927. № 1.

21. Материалы по организации суда над Парижской коммуной // Рабочий клуб. 1925. № 1.

22. Летов А. Не на живот, а на смерть (Агит-суд). Арзамас, 1930.

23. Суслов А.Б. Политика принуждения на начальном этапе коллективизации в Прикамье (ноябрь 1929 — март 1930) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. № 1(99).

24. Рыбаков П.А. Начальный этап коллективизации и раскулачивания в Московской области (1929–1930 гг.) // Локус: люди, общество, культура, смыслы. 2020. Т. 11. № 4. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-4-30-45.

25. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2008.

26. Стенографический отчет агитсуда Колпинской городской организации ВЛКСМ над газетой «Смена», 1927 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-8445. Оп. 2. Д. 41Б. Л. 1–16.

27. Агит-суд над заведующим столовой (за плохое обслуживание потребителя). М., 1930.

28. Деев Д.И. Суд над заразившим сифилисом жену (санитарная пьеса). Екатеринослав, 1924.

29. Носкова Д.Е. Тема справедливости в повестях XVII века: сатирический жанр «судных дел» // Initium. Художественная литература: опыт современного прочтения. Сборник статей молодых ученых. Екатеринбург, 2019.

30. Жирнов Е. Самый инсценированный суд в мире // Коммерсантъ Власть. 2008. № 14. 14 апр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/879057> (дата обращения: 05.05.2021 г.).

31. Отчет клуба за апрель, май и июнь 1927 г. предприятий «Советская звезда» и Фабрика им. Бела Куна // ЦГАИПД СПб. Ф. Р 3. Оп.1. Д. 3015. Л. 13-13 об., 32-32об.

32. Некоторые указания по построению плана клубной работы (проект) // Центральный государственный архив литературы и искусств Санкт-Петербурга. Ф. Р-255. Оп. 1. Д. 123. Л. 195–197.

33. Э.К. Художественная работа в клубе (Материалы по массовой работе) // Рабочий клуб. 1925. № 2.